

И было лето 2005 года

В журнале «Нёман» всюду бушевали страсти. Мы достигли почти пятидесяти тысяч тиража. Дальше расти было нереально, и мы это прекрасно понимали. Задача стояла одна: удержать тираж на таком уровне и идти дальше по пути повышения интеллектуального содержания издания. И, безусловно, важно обязательно сохранить его авторитет в литературном мире, для чего необходимо привлекать лучшие творческие силы Украины, России, а главное, собрать около себя наших родных писателей, поэтов, литературных критиков, которыми полнятся белорусские города и веси...

И что же мы придумали в результате... Вы не поверите, а сегодня даже представить это невозможно: ночь поэзии на белорусском телевидении. Понятно, идея эта больше всех понравилась нашим редакционным поэтам, они готовы были уже приступить к написанию сценария. Основная организационная работа, конечно же, легла на меня, как специалиста, отдавшего сорок лет жизни Телерадиокомпании. Я с превеликой радостью приняла на себя эту обязанность. Но... Гладко было на бумаге, но мы совсем забыли про овраги. А они оказались непреодолимыми. И таким оврагом стало для меня родное когда-то телевидение. Ничего у нас с этим проектом не получилось. Но выход мы, конечно, нашли и, как нам тогда казалось, он был даже удачнее первого варианта.

Писательский теплоход

Александр Гордич, председатель Пинского горисполкома встретил меня с неподдельным любопытством. Ну-ну, что там вы напридумывали в Минске. И я подробно рассказала ему о том, что мы хотели бы в Пинске основать новую, доселе невиданную традицию Союза писателей Беларуси, и что именно его любимый город может прославиться не только в Беларуси, но и на всём постсоветском пространстве, потому что такого ещё нигде никогда не было. Представляете, убеждала его: в конце лета к вам съедутся известнейшие писатели со всей страны, пригласим и совсем молодых, соратников по писательскому делу из ближнего зарубежья. Сядем на пароход и поплывём по Припяти, может, и до границы с Украиной доберёмся. Общение в такой необычной обстановке не может не сказаться на творчестве начинающих, а для пинчан встречи с писателями в студенческих аудиториях, школах города придадут событию ещё большую значимость.

Удивительная эта земля, которая ещё помнит пинскую шляхту, и до сих пор общество в некоторых местечках условно делится на сословия. Не злобно, а так просто помнит и всё... Об этом мне рассказывала Мария Ляшук, член нашего Союза писателей, активный автор «Нёмана», в то время редактор городской газеты «Пінскі веснік». На неё также выпала ответственность за организацию «писательского парохода». Мы — в Минске, она — в Пинске.

А в каком ещё городе можно осуществить эту затею, кроме Пинска, раскинувшегося на берегу широкой, полноводной Припяти и сохранившего глубинные традиции, о которых писал в своём романе Николай Еленевский, а также Юрий Солоневич. Уговаривать Александра Александровича долго не пришлось. Он тоже загорелся этой идеей, согласился на пилотный проект, а там посмотрим, как всё пойдёт, заметил он мудро, может, и получится что-то красивое и полезное.

С писателями Пинщины у «Нёмана» к тому времени завязалась нешуточная дружба. На страницах журнала печаталась проза Николая Еленевского, Юрия Солоневича, рассказы Марии Ляшук, стихи Валерия Гришковца, статьи Валентины Локун, старшего научного сотрудника Института литературы имени Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси. Мы даже подумывали, не выйти ли нам с предложением в президиум СПБ о создании самостоятельного отделения Союза писателей Беларуси Полесского региона. Настолько мощной была писательская суполка, такой она остаётся и сейчас...

Поскольку это был пилотный проект, мы в Минске его особенно не афишировали, поехали втроем: Михаил Поздняков, Наталья Костюченко и я.

Встреча на вокзале, первые приветствия, знакомства и нескрываемое внутреннее волнение, хотя, казалось, всё было оговорено, распланировано, обсуждено многократно по телефону. На другой день все собрались на причале, где нас уже ждал теплоход «Витебск», самый лучший, сохранивший свою былую красоту и внутренний комфорт. В капитанской рубке стоял Василий Васильевич Гацевич. Он приветствовал нас пароходным гудком, и что ещё добавилось к нашим ярким воспоминаниям — всем желающим позволил постоять за штурвалом судна. Вышли в рейс хотя и утром, но ближе к полудню, а возвращались в город, когда природа накрыла красками заходящего солнца наш обратный путь. До границы с Украиной мы так и не добрались.

Теперь непросто вспомнить, что волновало нас больше всего: творческие разговоры, стихи, споры на литературные темы, о состоянии белорусской литературы и её месте во всемирном контексте. Или умиляли небольшие пристани на всём пути, служащие остановочными пунктами на единственной дороге, соединяющей между собой небольшие полесские деревеньки, раскинувшиеся по обоим берегам реки. Огорчало только одно — с нами не было Валентины Ивановны Локун.

Если бы Валентина Ивановна была среди нас, спор о творчестве известных литературных классиков и влиянии всемирной литературы на творчество современных белорусских писателей был бы более глубоким, профессиональным и носил, хочу это особенно подчеркнуть, академический характер. Но её с нами не было. До сих пор укоряю себя, что в суете подготовительной работы мы не сумели продумать, может, самый важный вопрос — присутствие Валентины Ивановны на теплоходе. Уверена, эти воспоминания согревали бы её гораздо сильнее и глубже, чем все наши вместе взятые. Особенно остро ощутила свою вину, прочитав первые строки из автобиографии Валентины Ивановны «Узняцца да лёсу чалавечага»...

«Нарадзілася я на Палессі — у невяліччай вёсачцы Цепянец, што на Піншчыне. Назва вёскі (па-руску Тепенец) хутчэй за ўсё паходзіць ад слова «топь», або багна, па-беларуску. Праўда, да сярэдзіны XX стагоддзя балоты крыху адступілі ад самой вёскі, але вады, асабліва па вясне было шмат. Яна віравала не толькі ў ваколіцы, але і ў гарадах, перакрывала дарогі. Трэба было доўга чакаць, пакуль яна ўступіць у зямлю або сцячэ ў яшчэ больш нізкае месца. Затое як прыгожа было напрыканцы красавіка ці на пачатку мая, калі цвіла чаромха, а пасля зацвігалі сады!».

И эти воспоминания согревали её большую часть жизни, потому что природу она могла видеть только из окна второго этажа.

В автобиографическом рассказе в каждой строке звенит жажда познаний, которая охватила в те послевоенные годы не только её, но и многих сельских детей, и это объясняет то удивительное явление, что белорусская литература, наука, искусство — всё прирастало тогда именно выходцами из деревенок и хуторов, в изобилии раскинувшихся по всей Беларуси.

...День наш был насыщенным, полным впечатлений от увиденного, переговоренного, переспоренного, особенно радовало настроение наших пинских коллег, их очевидный душевный и творческий подъём. Расставались, в мыслях надеясь на очередную встречу.

Печаль её светла

А вечером того же дня по приглашению Валентины Ивановны мы провели несколько часов в обстановке, которая помнится до сих пор. Настолько она была тёплой, радостной, наполненной глубокого духовного смысла. Ни до, ни после я не испытывала такого душевного подъёма. Тихо хлопотала мама Ева Александровна, с интересом наблюдал за нашим разговором брат Василий Иванович. Смущение и неуверенность улетучились мгновенно. В кресле сидела красивая, умная женщина, её глаза излучали

доброту и внутреннее нетерпение. Видимо, и она с интересом ждала встречу с нами, ведь не каждый день бывают в их доме гости из Минска, к тому же из журнала, на страницах которого она печаталась с 1978 года. Поначалу говорили обо всём и взахлёб, словно примеряясь в разговоре друг к другу. Но потом, конечно, перешли на более конкретные темы, и они снова увели нас в её далёкое детство.

«...Пасля шостага класа захварэла на ногі. Школу прыйшлося пакінуць. Прадоўжыць вучобу змагла толькі праз тры гады — у Пінскай завочнай школе. Сёмы і восьмы клас здала за адзін год. А праз тры гады — у 1966 годзе — атрымала і атэстат — з залатым медалём.

Хацелася вучыцца далей. Апантана любіла кнігі. Чытаць магла суткамі. Але дзе было ў вёсцы тых кнігі дастаць? У Цепянцы бібліятэкі не было, сябры прыносілі з Малоткавічаў, з раённай бібліятэкі, па тым часе яна была прыстойна ў камплектацыі. Адно дрэнна, там амаль адсутнічала замежная літаратура.

Рызыкнула падаць дакументы ў Брэсцкі педінстытут. Мне пашанцавала: там з разуменнем аднесліся да маёй заявы, і ў тым жа 1966 годзе я без уступных экзаменаў (адыграў сваю ролю залаты медаль) была залічана на першы курс філалагічнага факультэта завочнай формы абучэння. Абрала, зразумела, рускае аддзяленне, бо па праграме завочнай школы беларуская мова і літаратура лічыліся прадметамі неабавязковымі...».

Прошу читателей не упрекать меня в цитировании объёмных отрывков из биографии Валентины Ивановны. Лучше её самой никто не сможет рассказать о становлении замечательной личности. Вряд ли в белорусской литературной историографии можно ещё найти подобный пример мужества и таланта, который, как мне кажется, не до конца был оценён. В ней абсолютно и органично совпал художник и человек.

А ведь человек рождается с определённой миссией. С точки зрения метафизики он не осознаёт это. Но когда миссия им выполнена, его призывает вечность. А случай может быть любой...

Я очень приблизительно привожу эту мысль, принадлежащую Льву Николаевичу Толстому. А вот и примеры...

В 1990 году Виктор Цой пропел, прокричал: «Мы ждём перемен». Погиб при странных обстоятельствах 15 августа 1990 года.

1991 год. Игорь Тальков безжалостно бросил со сцены оцепеневшим от его мужества и смелости: «Родина... Ты сошла с ума». Убит во время концерта 6 октября 1991 года.

1992 год. Юрис Подниекс в своём фильме «Легко ли быть молодым» задал нам всем вопрос: «Каково это сейчас быть человеком». Будучи отличным пловцом, утонул в озере Звиргзд 23 июня 1992 года.

А впереди уже маячил 1993 год. Расстрел Верховного Совета Российской Федерации, разгон Съезда народных депутатов.

Вернусь к этой мысли в конце статьи, когда ещё раз попрощаюсь с удивительной женщиной, прожившей прекрасную, полнокровную жизнь, ставшую примером для всех, кто знал её, любил за верную дружбу, за тот пример величайшего мужества, за силу воли, не позволившую ей озлобиться, впасть в отчаяние. Это же я отношу и к её брату Василию, и маме, тихому ангелу-хранителю двух её любимых детей, обделённых простыми человеческими радостями.

«Студэнцтва... Гэта былі лепшыя гады ў маім жыцці! Нарэшце я была далучана да вялікай літаратуры. Усур'ез захапілася І. Тургеневым. Тады мы ўсе былі рамантыкамі. Марылі ратаваць чалавецтва ад гідры капіталізму. Мы праглі подзвігаў. І агульны пафас тэкстаў І. Тургенева быў сугучны маёй унутранай настроенасці. Я хацела быць адначасова такой, як Джэма і Адзінцова. Я цалкам падтрымлівала думку Базарава, што „прырода не храм, а майстэрня, і чалавек у ёй гаспадар“. А мова І. Тургенева! Гэта ж сапраўдныя

вершы ў прозе! Такой „празрыстай“ і музычнай яна была хіба што яшчэ ў А. К. Талстога — аўтара „Князя Сярэбранага“... Адмаўляла Л. Талстога, лічыла яго абсалютным антыподам І. Тургенева. Асабліва ролі жанчыны ў грамадстве. Ці магла тургенеўская жанчына, мэтаскіраваная, барацьбітка па духу, ідэйна непакісная, адданая да скону аднаму каханаму, задаволіцца роллю жонкі і маці? Як Наташа Ростова, якой так захапляецца Л. Талстой. Яшчэ і года не прайшло пасля смерці князя Балконскага, а яна нараджае ад П'ера Бязухава дзіця і пачувае сябе самай шчаслівай на зямлі.

Л. Талстой абмежаваў сацыяльную сферу жанчыны сям'ёй, мацярынствам. І. Тургенеў жа ўводзіў у гэтую сферу грамадскія стасункі...

І яшчэ пра кнігі. Чамусьці лічылася, што маёй настольнай кнігай з'яўляецца раман „Як гартавалася сталь“ М. Астроўскага. Такую думку найчасцей выказвалі журналісты. І гэта мяне заўсёды раздражняла. Ну які ж герой з Паўкі Карчагіна? Жыццё яго заганыла ўсё далей у вугал, а ён замест таго, каб годна пайсці ў іншы свет, працягваў за гэта жыццё чапляцца. Другімі словамі, Паўка не сам выбіраў свой лёс, ён толькі падпарадкоўваўся яму. Зусім іншае Овад Э. Л. Войніч. Вось сапраўдны герой. Як той Сотнікаў будзе пасля ў В. Быкава. Овад сам выбіраў свой жыццёвы шлях. Сам ставіў сабе задачу і ўмовы яе вырашэння. І пры гэтым ні на ёту не адступіў ад сваёй мэты-ідэі».

Очень длинная цитата. Но неужели вы не увидите в ней самую Валентину Ивановну? Это же она пишет о себе, о своей судьбе. Так откровенно и искренне ассоциируя её с судьбой любимых героев. И жизнь, и творчество она построила словно под лекало всех тех, кто не сломался и до конца был верен предназначённому.

Да, Валентина Ивановна не выбирала судьбу. Судьба выбрала её. Но на те цели, те творческие задачи, которые она определила для себя, судьба благосклонно дала ей достаточно времени, чтобы всё это осуществить.

... Вот уже и выпит чай, и пора покидать гостеприимный дом, а разговору нет конца. Меня давно интересовала тема: женский образ в белорусской литературе. Что касается русской литературы, поняла, наше представление абсолютно одинаково. Начиная с «Бедной Лизы» Карамзина их было немало... Анна Каренина, Наташа Ростова, Аксинья! У Ивана Мележа — Ганна, у Янки Купалы — Бондаровна...

Разговор пошёл по новому кругу. Валентина Ивановна посетовала, что, будучи старшим научным сотрудником Института литературы имени Янки Купалы вот уже двадцать лет, обязана работать по плану, утверждённому руководством института. Тема эта нет-нет да и появлялась в её личных планах. Но это так, можно сказать, для себя. Может быть, она выберет время и займётся ею. Уж больно всё серьёзно и, насколько она знает, опереться не на что. Придётся быть первопроходцем, и не знает, хватит ли просто ей физических сил.

В 1973 году началась творческая жизнь Валентины Ивановны. В «Полесской правде» была напечатана статья, содержание которой было глубоко символичным — «Не обедняйте свой духовный мир» и последняя публикация в 2018 году — «Творчы партрэт пісьменніцкай суполкі: бібліяграфічны даведнік Брэсцкага абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі». Это своеобразная благодарность коллегам за то внимание, которым столько лет была окружена, за верную бескорыстную помощь, за искреннюю дружбу, а между этим более ста научных работ, внёсших большой вклад в науку. Валентина Ивановна, как никто, проработала тему творческой связи представителей литератур Запаदा, России и родной Беларуси. И в этом её невероятная заслуга перед белорусской литературой.

Но осталась ещё одна тема. О ней она сказала вскользь, и, как бы спохватившись, сразу постаралась (уже не помню, какой мыслью) перевести наше внимание на другую тему. Но я встретилась с её взглядом и увидела в нём всё то космическое страдание, о котором невозможно ни рассказать, ни высказаться, потому что таких и слов нет на земле.

Расставаясь, мы пообещали, что на следующий год Валентина Ивановна будет обязательно с нами на писательском теплоходе. Она мило улыбнулась: «Хорошо бы!».

Но на следующий год закончилась моя работа в журнале. И пилотный проект — «Писательский теплоход» так и остался в единственном экземпляре...

Напоследок хочу сказать слова бесконечной благодарности и низко поклониться Еве Александровне, маме Валентины Ивановны, и Василию Ивановичу, брату, — всей этой удивительной семье, которая смиренномудренно и с большим достоинством прошла по жизни, положив на алтарь своё личное во имя труда и научных открытий талантливой дочери и сестры, и поэтому она смогла и выполнила всё предначертанное судьбой.

А впереди было новое лето...

г. Минск, декабрь 2019 г.